

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-186-198>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)+71

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. В. С. Зайцев
г. Москва, Россия

ТВОРЧЕСТВО А. П. ЧЕХОВА И СОВРЕМЕННЫЕ ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ: К ВОПРОСУ О ДЕКАНОНИЗАЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ

Аннотация: Творчество А. П. Чехова давно утвердилось в отечественном культурном каноне и воспринимается как его неотъемлемая часть. При этом обращение к истории вхождения чеховских текстов в канонический корпус (точка отсчета — Октябрьская революция) дает противоречивую картину. В 1920–1930 гг., отмеченные наличием античеховских тенденций в критике и литературоведении, писатель не выпадал из круга активного массового чтения, о чем, в частности, свидетельствуют опросы среди библиотечных работников и бойцов РККА. Начиная с 1960 гг., когда античеховизм остался в прошлом, наблюдается противоположная тенденция: постепенное снижение реального массового чтения произведений А. П. Чехова. Статус классика оставался незыблемым вплоть до рубежа 1990–2000 гг., однако разрыв между «почтением» и «чтением» усугублялся, в результате чего уже в начале XX в. в опросах о любимых и выдающихся отечественных писателях имя А. П. Чехова периодически не фигурировало. Речь, впрочем, идет о массовых уличных опросах, в связи с чем автор статьи в январе-апреле 2018 г. провел опрос среди «специализированной» публики — посетителей Дома-музея А. П. Чехова в Москве. Респондентам было предложено назвать свои любимые чеховские произведения, цитаты, рассказать, имеются ли в их домашних библиотеках книги А. П. Чехова, вспомнить, когда опрашиваемые перечитывали тексты писателя. Результаты опроса продемонстрировали неравномерное знакомство с чеховским творчеством с доминированием негативных тенденций: произведения писателя респонденты читают нерегулярно (даже несмотря на наличие собранных сочинений А. П. Чехова либо отдельных сборников в домашних книжных собраниях), не всегда способны вспомнить, какие именно тексты А. П. Чехова перечитывали и когда. Наибольшие затруднения вызвал вопрос о любимых цитатах из чеховских произведений. Данный эмпирический материал вкупе с исследованиями начала 2000 гг. позволяет сделать вывод о номинальном присутствии А. П. Чехова в списке «канонизированных» авторов, и о начинающейся на рубеже XX–XXI вв. его «деканонизации».

Ключевые слова: культурный канон, А. П. Чехов, социология литературы, массовое чтение, деканонизация.

Информация об авторе: Виктор Сергеевич Зайцев — кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля, Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>

E-mail: vik.zaytsev2014@yandex.ru

Дата поступления статьи: 09.11.2020

Дата одобрения рецензентами: 17.02.2021

Дата публикации статьи: 28.06.2022

Для цитирования: Зайцев В. С. Творчество А. П. Чехова и современные читательские ориентации: к вопросу о деканонизационных культурных тенденциях // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 186–198. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-186-198>

В любой культуре есть набор текстов (в широком смысле этого слова, но далее мы подразумеваем только произведения художественной литературы) повышенной важности. Тексты, мыслимые как системообразующие для конкретной культуры, составляют культурный канон. Функция его глобальна. Население Российской Федерации настолько и до тех пор представляет социокультурное единство, пока помнит, кому Татьяна отдана и в связи с чем будет век ему верна, кого и с какой целью убил Родион Раскольников и почему хоронить таких людей, как Беликов, — большое удовольствие. Каноничность чеховского наследия многими воспринимается как естественная и незыблемая. Его произведения стабильно входят в списки из серии «*n* ключевых книг русской литературы» (где *n* — чаще всего 100). В качестве примеров можно привести любопытную и содержательную работу Игоря Николаевича Сухих «Книги XX века: русский канон» [18]; спорную, как и все, что касается литературоведческих штудий автора, брошюру Дмитрия Львовича Быкова «100 книг, которые должен прочитать каждый» [1] и его же серию лекций «Сто книг XX в.» (Телеканал «Дождь», 2015–2017), стенограмма первой части которой была выпущена в 2018 г. [2]. В двух из трех приведенных примеров «главным» чеховским произведением назван «Вишневый сад» (Д. Л. Быков в брошюре указывает «Дуэль» [1, с. 32]). Однако как отсутствие или присутствие А. П. Чехова в культурном каноне коррелировало с читательским спросом на чеховские произведения, и насколько А. П. Чехов реально читаем в наше время?

Ирина Евгеньевна Гитович применительно к чеховскому творчеству употребила формулировку «исчезающий текст», которым «стал сегодня для абсолютного большинства не читаемый уже Чехов» [3, с. 65]. В другой работе исследователя можно найти уточнение, в каких именно формах знание об А. П. Чехове бытует на просторах отечественной культуры начала XXI в.: «Есть обрывки знаний, задержавшиеся в чьих-то головах клочки обязательного в недавнем прошлом культурного канона (а каноны меняются, и это исторически неизбежно), предполагавшего какой-то обязательный набор сведений; есть штампы, сплетни, абберрации, искажающие правду, которыми пользуется большая часть даже вполне грамотных читателей» [4, с. 35].

Для нас здесь важны два тезиса: об исторической неизбежности смены культурных канонов и фактической нечитаемости А. П. Чехова сегодня. К последней проблеме мы обратимся во второй части работы, а сначала ретроспективно проследим, как менялось место чеховского наследия в отечественной официальной и читательской иерархии на протяжении XX–XXI вв.

После Октябрьской революции началось активное переформатирование национального культурного багажа. Эмма Артемьевна Полоцкая пишет, что «произведениям, которые не могли рассматриваться как прямые предшественники революционной идеи в современной литературе, было отведено более чем скромное место неактуаль-

ных художественных явлений»: «В конце 20-х годов в печати серьезно обсуждался вопрос, нужен ли новому читателю Чехов и могут ли его произведения быть полезны писателям советской эпохи» [13, с. 258]. Десятилетие отмечено громкими античеховскими выступлениями Владимира Владимировича Маяковского, Всеволода Эмильевича Мейерхольда и т. д. Однако вряд ли процесс можно охарактеризовать как однонаправленный и постепенно набирающий силу. В 1924 г. появилась статья Анатолия Васильевича Луначарского «Чем может быть Чехов для нас», признававшая идейную полезность чеховского творчества для советской литературы в контексте борьбы с пережитками прошлого (мещанством, косностью и т. п.) [10]. В 1928 г. выступил с нашумевшей апологетической статьей «Чехов без грима» Михаил Ефимович Кольцов, революционизировавший чеховское мировоззрение [9]. Много позитивных публикаций было связано с чеховским юбилеем 1929 г. Излишне однозначным поэтому представляется нам мнение И. Н. Сухих о данном периоде: «...наступление на Чехова и отречения от него идут по всем фронтам» [19, с. 149]. Фактически можно говорить о наличии двух противоположных тенденций, одна из которых соответствовала официальной идеологии, но не до конца соотносилась с писательской и читательской практикой эпохи. Именно на поле читательских предпочтений мы обнаруживаем первый из двух концептуально значимых парадоксов: отвергаемый официальным переформатированным культурным каноном, А. П. Чехов не выпадал их круга активного чтения.

Так, в 1920 г. было проведено анкетирование бойцов РККА, ставившее целью выяснить читательские предпочтения красноармейцев; результаты были опубликованы в 1925 г. Выборка была внушительная: более 11 000 опрошенных. Отвечая на вопрос «Какие из читанных вами писателей больше всего понравились?», 2,2 % респондентов назвали А. П. Чехова. Это шестое место в сводной таблице по авторам; первые пять мест выглядят так: Лев Николаевич Толстой, Александр Сергеевич Пушкин, Николай Васильевич Гоголь, Максим Горький, Николай Алексеевич Некрасов, за А. П. Чеховым следуют Иван Сергеевич Тургенев, Михаил Юрьевич Лермонтов, Федор Михайлович Достоевский и Демьян Бедный [11, с. 63]. Любопытны мотивы, которыми в своем выборе руководствовались опрошенные. А. П. Чехов нравился «своими веселыми рассказами», «понятным и русским языком», «реальностью и задушевностью слога», тем, что «этот писатель описывает более ясно, как тяжело было жить простому русскому народу при царизме» [11, с. 73]. Один из отрывков мог бы органично вписаться и в типовую дореволюционную рецензию: «За его тонкое проникновение в душу самого обыкновенного человека, за его какое-то мягкое, немного грустное изображение этой серенькой, такой, обычно, хмурой жизни, а главное за его добрую веру в то, что все-таки, несмотря на несовершенства этой жизни — будет когда-нибудь красивая светлая жизнь» [11, с. 73–74].

На итогах некоторых библиотечных исследований этого периода останавливается Мария Леонтьевна Семанова: «Изучение круга чтения трудящихся нередко приводило к таким выводам: “За Горьким у рабочих пользуются успехом Толстой, Тургенев, Чехов”, “Из русских классиков больше всего читаются Толстой и Чехов”. А. Луначарский делал заключение на основе подобных документов и личных наблюдений: “Интерес к Чехову среди читающей публики, молодой, новой публики — несомненен”» [16, с. 121]. Не случайно к концу 1920-х гг. вопрос — ставить или нет пьесы А. П. Чехова в театре, уже не был насущным: решалось, что именно ставить и как. В результате, не отторгнутый реальной послереволюционной читательской практикой, А. П. Чехов к 1940-м гг. официально утверждается в статусе классического автора. Всего два десяти-

летия спустя, в 1962 г. «Литературная газета» проводила среди читателей опрос: «Какие книги вы возьмете в космос?»; наиболее часто упоминаемыми писателями-классиками стали А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой и А. П. Чехов [16, с. 309]. Однако «почитаемость» и «читаемость» начиная с 1960 гг. диссонируют.

Так, опрос 1974–1975 гг., проведенный В. С. Орловой среди школьников и рабочих (выборка — 150 человек), показал следующее: «Популярность разных авторов, названных в ответе на вопрос о чтении в последнее время, весьма различна. <...> наиболее часто назывались Л. Толстой (11 раз — рабочие, по 5 раз — текстильщицы и учащиеся), Ф. Достоевский (его произведения чаще всего читали в момент опроса школьники), М. Шолохов (10 раз — текстильщицы) и А. Толстой (5 раз). Школьники, кроме Ф. Достоевского, чаще всего называли Э. М. Ремарка (8 раз), А. Дюма (11 раз) и А. Толстого (7 раз)» [12, с. 90]. А. П. Чехова в списке «чтения последнего времени» нет. Сравним этот опрос с исследованием домашних библиотек 1970–1980-х гг., проведенным Марией Давыдовной Смородинской. На основе опроса формировались списки литературы, приобретение которой является приоритетом для владельцев домашних книжных собраний. Имя А. П. Чехова оказалось в обеих графах итоговой таблицы: «хотят приобрести» и «приобрели в 1984 г.». В случае с «хотят приобрести» А. П. Чехов значился на третьем месте (после Л. Н. Толстого и А. С. Пушкина) из десяти, в списке приобретенных — на четвертом (после Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя) [17, с. 64]. Выводы: «...владельцы домашних собраний ориентированы в основном на покупку произведений писателей-классиков, вошедших в золотой фонд русской и мировой литературы <...>. Как правило, в течение жизни они не только читаются, но и неоднократно перечитываются» [17, с. 64–65]. Любопытно, что в этой части результаты М. Д. Смородинской контрастируют с опросом В. С. Орловой: желаемые для приобретения и «неоднократно перечитываемые» сочинения А. П. Чехова не попадают в круг недавнего чтения. Необходимо, правда, учитывать специфику выборки В. С. Орловой — опрашивались рабочие и школьники, чьи книжные запросы могли не соотноситься с запросами тех, кто целенаправленно собирал домашние библиотеки. Однако это не снимает противоречия между двумя исследованиями. Кроме того, не все социологи литературы разделяют оптимизм касательно функций домашних библиотек рассматриваемого периода. Наталия Андреевна Зоркая отмечает, что «книги в доме к 70-м годам стали такой же обязательной составляющей домашнего имущества как и “джентльменский набор” предметов среднестатистической малогабаритной квартиры — дешевый, но все же хрусталь или его имитация, модная, пусть и недорогая, стенка, транзистор, телевизор... <...> В “реальном”, а не в школьном программном чтении, как и в других сферах социальной жизни, по мере определенного накопления культурного капитала складывался и утверждался своего рода двойной стандарт поведения — внешнего, лояльного к доминирующей идеологии литературы, чтения, школьного образования, и более индивидуального, ориентированного на ценности и нормы своей среды» [8, с. 44]. В некоторых группах реципиентов А. П. Чехов становился «жертвой» двойных стандартов, не попадая в круг актуальных запросов и предпочтений. Здесь мы сталкиваемся с отмеченным выше диссонансом между каноничностью и реальным читательским (а не «собираТЕЛЬским») интересом.

В 1990-е гг. запустились процессы очередного (после потрясений 1917 г.) реформирования всех сфер жизни российского общества. Н. А. Зоркая констатирует «процесс своего рода переоценки ценности литературы, когда для обычного читателя она перестает быть чем-то особым, часто недоступным, требующим особых навыков восприятия и понимания. Нынешний читатель ищет и находит свою литературу,

отвечающую его вкусам, проблемам и интересам» [8, с. 45]. Однако опросы читательских предпочтений в рассматриваемый период все еще гармонизировали с исследованиями предыдущих десятилетий. В 1992 г. в списке любимых писателей А. П. Чехов стал шестым (после А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. Дюма, В. С. Пикуля, М. А. Шолохова), а в 1997 г. — третьим (после Л. Н. Толстого и А. С. Пушкина) [8, с. 48]. Тройка фаворитов 1997 г., как нетрудно заметить, совпадает со списком наиболее желаемых авторов на приобретение для домашних фондов в 1980-е гг. из опросов М. Д. Смородиной. Но наметившиеся в 1990-е гг. тенденции проявились в начале 2000-х. Творчество А. П. Чехова, постепенно выбывает из круга массовых предпочтений (хотя бы номинальных), оказываясь за чертой статистической погрешности, о чем писал Борис Владимирович Дубин: «...большинство опрошенных россиян <...> не смогли назвать книг, которые произвели на них самое сильное впечатление, открыли нечто новое, а названные книги или, чаще, фамилии, настолько разрознены, что каждую из них упоминают, в лучшем случае, 1–2% опрошенных (Л. Толстой, М. Шолохов, В. Пикуль). Иными словами, читательская культура крайне раздроблена, она состоит из дробных и кратковременных впечатлений, в ней отсутствуют объединяющие, интегративные начала, устойчивые, передающиеся во времени символы и авторитеты» [7, с. 66–67]. Опрос, посвященный самым выдающимся, по мнению опрошенных, отечественным писателям и поэтам XX–XXI вв., «дал похожие результаты»: «Выше границы допустимой статистической погрешности оказалось лишь несколько имен, в число которых респонденты включили не только Л. Толстого (что хронологически допустимо, хотя преобладающая часть его писательской биографии все-таки относится к XIX в.), но и Пушкина. Вот эти имена: С. Есенин — 14%; А. Солженицын — 10%; Л. Толстой — 7%; М. Шолохов — 7%; А. Пушкин — 7%; А. Ахматова — 6%; М. Булгаков — 6%; В. Маяковский — 5%. Половина опрошенных (49%) вообще не смогли назвать ни одного имени» [7, с. 67]. Симптоматично, что А. П. Чехов, хронологически имеющий право войти в данный список, в нем не значится. При том, что «Вишневый сад», как мы отмечали выше, эссеисты и ученые регулярно определяют как одну из главных пьес XX в. Эссеисты, но не массовый читатель. И здесь мы подходим ко второму концептуально значимому парадоксу.

Напомним, в 1920-е гг., когда А. П. Чехов столкнулся с перспективой «принудительного» вывода за рамки культурного канона, интерес к его творчеству среди читателей не падал. Сейчас, давно «канонизированный», А. П. Чехов явно выпадает из круга активного чтения. Хотелось бы верить И. Н. Сухих: «Лучшие книги XX века читаются как свидетельство, пророчество, провокация. О том, чего в них было больше, станут гадать читатели века XXI» [18, с. 14]. Но в ситуации, когда «читатель XXI века» не может вспомнить, в каком столетии жил А. С. Пушкин, уровень ожиданий от способностей восприятия текста таким книголюбем надо снижать. Маргарита Михайловна Самохина, характеризуя падение интереса к классической литературе в начале 2000-х гг., отмечает: «Реальное свободное (не связанное с учебными заданиями) чтение высокой литературы характерно лишь для читательской элиты» [14, с. 330]. И это отчасти продемонстрировал разобранный нами выше опрос В. С. Орловой 1970-х гг. Кстати, имя А. П. Чехова в материале М. М. Самохиной не встречается. В более поздней статье исследователя А. П. Чехов упомянут единственный раз в контексте дискуссии о массовом чтении, когда М. М. Самохина цитирует мнение одного из участников Интернет-форума: «По поводу того, что читают муру <...> вот вы, лично вы, когда последний раз читали Лема? Достоевского? Чехова? Да, прямо там, в метро, по дороге на работу?» [15, с. 305].

Симптоматично, что данные о читательских предпочтениях за все рассмотренные периоды соотносятся с подсчетами упоминаний имени А. П. Чехова в рецензиях на новые книги, опубликованные в литературных журналах. В 1900–1901 гг., т. е. еще при жизни, имя писателя отсутствовало в первой «двадцатке», при том, что Петр Дмитриевич Боборыкин, например, занимал 11-е место. В 1920–1921 гг. А. П. Чехов не входил в «топ-10», лидером был Александр Александрович Блок. 1930–1931 гг. — 8-е место, лидер Л. Н. Толстой. 1939–1940 гг. — 6-е место, лидер М. Горький. 1960–1961 гг. — 2-е место, лидер В. В. Маяковский. 1977–1978 гг. — 8-е место, лидер А. С. Пушкин. По более поздним подсчетам 1997–1998 гг. А. П. Чехов занимал 12-е место, а первая тройка выглядела так: Ф. М. Достоевский, Иосиф Александрович Бродский, Осип Эмильевич Мандельштам [6, с. 170–172; 5, с. 73–74].

До сих пор, впрочем, речь шла о массовых «безотборных» опросах респондентов. А как обстоит дело в рядах «специализированной» публики, интересующейся биографией и творчеством А. П. Чехова? С целью выяснить это, нами в январе-апреле 2018 г. был проведен опрос индивидуальных посетителей Дома-музея А. П. Чехова в Москве. Респондентам предлагалось ответить на пять вопросов: 1. Возраст, образование. 2. Ваши любимые произведения А. П. Чехова. 3. Как давно Вы перечитывали А. П. Чехова? Что именно? 4. Есть ли книги или собрания сочинений А. П. Чехова в Вашей домашней библиотеке? 5. Ваша любимая цитата из произведений или писем А. П. Чехова. Задача заключалась в том, чтобы выявить существенные черты среднестатистического посетителя Дома-музея, понять, с каким багажом знаний о писателе и читательским опытом люди приходят в чеховский дом, и есть ли набор инвариантов, объединяющих локальные, индивидуальные интересы и читательские опыты. Выборка составила 100 человек и не может быть названа полноценно репрезентативной, говорить о закономерностях было бы некорректно, поэтому будем говорить о наблюдениях. В соответствии с количеством вопросов, разобьем эти наблюдения на пять групп.

I. Пол, возраст, образование

Среди опрошенных лица мужского пола составили 20 человек, женского — 80 человек. Распределение по возрастным категориям выглядит следующим образом: в возрасте от 16 до 30 лет — 53 человека (при этом 16-летний индивидуальный посетитель — т. е. пришедший самостоятельно, а не в составе экскурсионной группы, — за четыре месяца опрошен всего один); 31–40 лет — 21 человек; 41–50 лет — 6 человек (и ни одного мужчины); от 51 года — 20 человек. По образовательным характеристикам респонденты распределились так: школьник — 1 человек; среднее общее образование — 2; среднее специальное образование — 6; неоконченное высшее образование и студенты — 24; высшее образование — 66 человек; кандидат наук — 1 (возможно, фактически кандидатом наук было больше, но только один опрошенный упомянул о наличии ученой степени). Таким образом, подавляющая доля индивидуальных посетителей музея — люди в возрасте до 40 лет с высшим образованием.

II. Любимые произведения

Количество названных произведений превышает количество респондентов, так как можно было назвать несколько произведений. При этом более одного произведения (варианты типа «Чайка» и рассказы) не засчитывались как два текста) смогли назвать всего девять опрошенных. Итоговый рейтинг произведений по количеству упоминаний выглядит так: «Вишневый сад» — 19; рассказы и пьесы — 17; «не входит в список любимых авторов» — 13; «Дама с собачкой» — 10; «Палата № 6» — 6; «Три сестры» — 5; «Чайка», «Человек в футляре», «Крыжовник» — по 4; «Дядя Ваня», «Ионыч» — по 3; «Дом с мезонином», «Безотцовщина», «Пари» — по 2. Единожды упомянуты:

«Скрипка Ротшильда», «Дуэль», «Толстый и тонкий», «Который из трех», «Попрыгунья», «Архиерей», «В овраге», «Мужики», «Лошадиная фамилия», «Степь», «Спать хочется», «Тоска», «Драма на охоте», «Студент», «Пересолил», «Злоумышленник», «Черный монах», «Душечка», «Анна на шее».

Встречались ответы, которые мы охарактеризуем как уникальные: «Палата», «Палата № 7», «Нос», «Молодой человек шепчет на ухо девушке» (респондент не вспомнил название рассказа — имеется в виду «Шуточка» — и попытался пересказать сюжет). Кроме того, одна женщина 24 лет с неоконченным высшим образованием призналась, что из чеховских произведений «не читала вообще ничего».

В целом, лидерство «Вишневого сада» компрометируют второе и третье места, так как невозможно установить, насколько искренними были те, кто давал неопределенный ответ: «рассказы» либо «пьесы». Не исключено, что респонденты не смогли вспомнить названия произведений. Если объединить тех, «кто не вспомнил», с теми, «кто честно признался» (второе и третье места соответственно), получим 30 случаев уклонения от конкретного ответа, и «Вишневый сад» опустится на второе место.

III. Как давно перечитывали произведения А. П. Чехова и что именно

(Здесь общее количество ответов — 99, так как выше упомянут респондент, не читавший чеховские тексты). Менее года назад — 29 человек (неопределенных ответов — «рассказы», «не помню» и т. п. — 10 и один ошибочный: «Актер», возможно, спутано с «Антрепренер под диваном», т.к. респондент уточнил: «О мужчине, который наврал»). 1–2 года назад — 34 (20 неопределенных ответов). 3–5 лет назад — 12 (8 неопределенных ответов, одна ошибка: «Случай на охоте»). 6–10 лет назад — 10 (7 неопределенных ответов). Более 10 лет назад — 14 (9 неопределенных ответов). Если под актуальным подразумевать чтение в течение года, предшествовавшего опросу, то увидим, что на данном хронологическом отрезке А. П. Чехова перечитывало меньшинство опрошенных (29 против 70). При этом значительная часть респондентов не смогла назвать произведение или ошиблась в названии. Суммарно такой «неконкретики» насчитывается 56 случаев из 99 — больше половины.

Симптоматично несовпадение давнего и недавнего чтения с указанными любимыми произведениями¹. Подобных несовпадений в первой «хронологической» группе — 23 из 29; во второй — 23 из 34; в третьей — 6 из 12; в четвертой — 3 из 10 (и три ответа «не помню»); в пятой группе — 3 из 14.

Расхождению можно найти двоякое объяснение с однонаправленным вектором выводов. Причина несовпадений либо в отсутствии практики перечитывания, т. е. человек, раз прочитав что-нибудь даже понравившееся, больше к тексту не возвращается (и текст является любимым номинально). Либо, отвечая на вопрос о произведениях-фаворитах, респонденты просто вспоминали известные им чеховские тексты (что также номинализирует список любимых произведений).

IV. Есть ли книги или собрания сочинений А. П. Чехова в Вашей домашней библиотеке

Собрания чеховских сочинений есть у 40 респондентов, у 10 — академическое (либо 18 томов сочинений). Из владельцев последнего в течение года, предшествовавшего опросу, чеховские произведения перечитывали 5 человек. Среди владельцев дру-

¹ Мы не учитывали ситуации, когда респондент говорил, что у него нет любимых чеховских произведений или что он их не помнит (такие ответы были). В общий счет идет как несовпадение конкретных произведений, так и случаи, когда в качестве любимого опрашиваемый называл определенное произведение, но не мог вспомнить, что именно читал/перечитывал в последний раз, — и наоборот.

гих собраний сочинений в течение последнего года произведения А. П. Чехова перечитывало 10 человек.

Нет чеховских книг в домашних библиотеках (либо нет домашних библиотек) у 11-ти опрошенных. Среди них в течение последнего года чеховские тексты перечитало 2 человека.

Одна книга в библиотеках 13-ти респондентов. В течение года, предшествовавшего опросу, писателя перечитывали 2 человека.

От 2 до 5 книг — у 28-ми опрошенных. Из них в течение последнего года чеховские тексты перечитало 7 человек.

6–10 книг — в домашних собраниях 7-ми анкетированных, в течение последнего года чеховские тексты перечитало 3 человека.

Более 10 чеховских книг — в библиотеке одного человека. На момент опроса респондент (женщина, 22 года, высшее образование) две недели назад читала «Вишневый сад».

Итого, ни в одной группе книговладельцев А. П. Чехов не был прочитан/перечитан в течение предшествовавшего опросу года более, чем в 42% случаев. Иными словами, в нашей выборке состав домашней библиотеки с чтением чеховских текстов не коррелирует.

V. Ваша любимая цитата из произведений или писем А. П. Чехова

На этот вопрос не смогли ответить 50 респондентов, т. е. строго каждый второй. Ответы остальных разбиты нами на шесть групп. Первые две группы — две наиболее популярные среди опрошенных цитаты. Дальше группировка производилась на основании некоторых общих признаков.

1. «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Цитату пытались вспомнить 19 опрошенных. При этом было предпринято только две неудачные попытки процитировать реплику Астрова полностью: «Все в человеке должно быть прекрасно: и одежда, и мысли» (мужчина, 20 лет, студент); «В человеке все должно быть прекрасно: и душа, и мысли, и одежда» (женщина, 50 лет, среднее специальное образование).

Кроме того, один анкетированный точно процитировал первую половину высказывания; 11 раз прозвучал вариант «В человеке все должно быть прекрасно» (видимо, чеховская инверсия с трудом укладывается в памяти современного человека); также встретились 5 разномастных вариантов: «В человеке все должно быть», «В человеке должно быть», «Все, что должно быть прекрасно», «В человеке должно быть прекрасно все», «В человеке все должно быть красиво».

2. «Краткость — сестра таланта» вспомнили 5 респондентов, ошибочных вариантов нет.

3. Любопытную группу составили цитаты «по мотивам», т. е. неточные, но с возможностью установить источник читательской рефлексии. Таких случаев насчитывается 13. Приведем наиболее любопытные. На третьем месте могли бы расположиться две попытки вспомнить диалог из «Дяди Вани»: «Елена Андреевна. А хорошая сегодня погода... Не жарко... Пауза. Войницкий. В такую погоду хорошо повеситься» (С. 13, 70–71)². Варианты анкетированных: «Хороший день, то ли чаю попить, то ли повеситься» и «Какая нынче погода прекрасная. То ли повеситься, то ли...» (не вспомнила).

² Здесь и далее цитаты из чеховских произведений даются по академическому собранию сочинений (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1973–1984) с указанием в круглых скобках шифра серии (С. — сочинения), номера тома и номера страницы.

Вариант респондента: «То, что кто-то сидит или нет — случайность». Источник — «Палата № 6»: «В том, что я доктор, а вы душевнобольной, нет ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность» (С. 8, 95).

Вариант респондента: «Грязь остается грязью». Источник — «Драма на охоте»: «Был я того убеждения, что нельзя требовать от грязи, чтобы она не была грязью...» (С. 3, 346).

4. Группа «случайных» цитат или фраз, разница с предыдущими группами аналогична разнице между поговорками и пословицами. Это суммарно 8 фраз образца: «Ушла в другую комнату», «Звук лопнувшей струны», «В Москву! В Москву!», «Каштанка съела много, но не наелась, а только опьянела от еды» и т. д.

5. Цитаты, принимаемые за чеховские. Здесь мы объединили одну явную ошибку, один кинематографический и один мемуарный мотив. «Взять бы этих мужиков в арестантскую роту...» — отзыв о декадентах, который в такой редакции восходит к воспоминаниям Ивана Алексеевича Бунина.

«Пиши, пиши» — нейтральная фраза, ничего специфически чеховского не несущая, как отметил и сам респондент: «Из фильма». Имеется в виду пятая серия десятисерийного телефильма «Чехов и Ко» (1998), экранизация рассказа «Дипломат» (С. 3, 422–425). Роль Аристарха Ивановича исполняет Александр Александрович Калягин, именно он эту фразу произносит несколько раз. Оба примера мы не включили в группу цитат «по мотивам», потому что мотивы этих цитат в первом случае — не восходят к чеховскому тексту, во втором — восходят к нему очень опосредованно.

Наконец, явная ошибка: «Верность — это то качество, которое утратили люди, но имеют собаки».

6. Два случая, когда вспомнить не получилось и респонденты пересказали содержание запомнившихся отрывков: «Про человека с молоточком» и «Монолог к шкафу. Смешно».

Таким образом, из 50 цитирований только 6 являются точными: 5 «краткостей — сестер таланта» и одна объевшаяся Каштанка; это 12% от количества процитировавших и 6% от общего количества опрошенных. Большой интерес представляют цитаты «по мотивам», в том числе и одной, связанной с ними, проблемой — невозможно установить, на каком материале происходят эти трансформации у конкретного опрошенного: на оригинальном, т. е. непосредственно чеховском, либо же цитаты получены из вторых-третьих и т. д. рук. А это значит, что невозможно установить, читал ли респондент цитируемое. Круг произведений, затронутых респондентами при попытке ответить на последний вопрос нашей анкеты (мы суммируем данные первых четырех групп цитат) насчитывает 17 текстов, в том числе три письма, при этом переписку не упомянул в качестве любимой или перечитываемой составляющей чеховского наследия ни один респондент. В то же время количество текстов, упомянутых при ответе на вопрос номер два (о любимых произведениях) насчитывает 32 произведения (почти вдвое больше). Все это может косвенно указывать на разнообразие цитируемых источников, не сводимое исключительно к чеховским текстам.

Какие выводы можно сделать на изложенном выше материале? Видимо, между сменой культурного канона и констатацией этого факта должно пройти какое-то время. Причем мы осознанно не разграничиваем области институциональных предписаний и фактических массовых читательских предпочтений, в данном контексте они равны и с равной задержкой реагируют на глобальные культурные сдвиги: массовое восприятие незначительно быстрее, «официальное» чуть медленнее. Применительно

к А. П. Чехову, если говорить о реальном чтении его наследия или знании основных фактов биографии писателя, есть определенные основания говорить о начавшемся на рубеже 1990–2000-х гг. процессе «деканонизации». При этом в силу того, что можно назвать культурной инерцией, А. П. Чехов продолжает восприниматься массовым сознанием и декларироваться официальной культурной политикой в ряду «каноничных» авторов. Интерес к чеховской личности не противоречит этому: А. П. Чеховым интересуются как своего рода культурным аттрактором, а также как суммой представлений о нем (часто очень субъективных). Коллективное сознание не отдает без боя последние сакральные рубежи, но предварительные прогнозы итога рассматриваемых процессов не могут быть благоприятными: среди интересующихся падает уровень осведомленности, ряды неинтересующихся ширятся.

Общетеоретические выводы тесно сопряжены с вопросом, почему так важна проблема реального чтения чеховских произведений. Потому, что пресловутый «образ классика» в его адекватных либо близких к таковым вариантах формируется исключительно знакомством с источниками первого ряда (а не театральными постановками или популярными биографиями). Именно освоением чеховского наследия проверяется мера реального присутствия писателя в отечественном культурном пространстве. Шагает ли А. П. Чехов не по миру даже, а по городам и весям Российской Федерации? Видимо, уже нет. Шагает что-то, маркируемое как «А. П. Чехов», но различные группы реципиентов вкладывают в этот феномен разное содержание, какое именно — необходимо исследовать на конкретном материале. Ясно лишь, что диапазон широк.

Во всем наборе ассоциаций, связанных с именем и наследием А. П. Чехова, пестрота которого продемонстрирована и нашим опросом, нет объединяющего начала (если не принимать за таковое цитату о прекрасном; но объявлять ядром вырванную из контекста фразу, которую к тому же никто не может воспроизвести точно, едва ли корректно). А канон подразумевает наличие чего-то общего в сумме индивидуальных восприятий культурных явлений. Сегодня же круг чеховских и околочеховских коннотаций настолько разнороден, что не оставляет пространства для каких-то инвариантных элементов восприятия: все индивидуально, а общей становится лишь смутность представлений о наследии и биографии писателя. Насколько необратимым является этот процесс — покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Быков Д. Л.* 100 книг, которые должен прочитать каждый // *Собеседник +*. 2013. № 1. С. 32.
- 2 *Быков Д. Л.* *Время потрясений. 1900–1950 гг.* М.: Эксмо, 2018. 544 с.
- 3 *Гитович И. Е.* *Биография Чехова — вчера и завтра // Чеховиана. Из века XX в XXI: Итоги и ожидания.* М.: Наука, 2007. С. 92–116.
- 4 *Гитович И. Е.* Факт и стиль. Субъективные заметки по поводу объективной проблемы // *Чеховский вестник*. 2004. № 15. С. 30–38.
- 5 *Дубин Б. В.* *Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре.* М.: Новое литературное обозрение, 2010. 345 с.
- 6 *Дубин Б. В., Рейтблат А. И.* О структуре и динамике системы литературных ориентаций журнальных рецензентов (1820–1978 гг.) // *Книга и чтение в зеркале социологии.* М.: Книжная палата, 1990. С. 150–176.
- 7 *Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Чтение и общество в России 2000-х годов // *Социологические исследования*. 2009. № 7. С. 61–77.

- 8 Зоркая Н. А. Тенденции в чтении россиян в 90-е годы: на материале опросов ВЦИОМ 1992–1997 гг. // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 3. С. 44–49.
- 9 Кольцов М. Е. Чехов без грима // Правда. 1928. № 163. С. 6.
- 10 Луначарский А. В. Чем может быть Чехов для нас // Печать и революция. 1924. № 4, июль-август. С. 19–34.
- 11 Массовый читатель и книга / под ред. Н. А. Рыбникова. М.: Гос. военное изд-во, 1925. 88 с.
- 12 Орлова В. С. Литературная ориентация и читательское восприятие // Книга и чтение в зеркале социологии. М.: Книжная палата, 1990. С. 80–105.
- 13 Полоцкая Э. А. «Вишневый сад». Жизнь во времени // Литературные произведения в движении эпох. М.: Наука, 1979. С. 229–287.
- 14 Самохина М. М. Кто и что сегодня читает и зачем им это нужно // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 327–340.
- 15 Самохина М. М. Молодые читатели в Интернете // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 300–307.
- 16 Семанова М. Л. Чехов и советская литература. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 312 с.
- 17 Смородинская М. Д. Домашняя библиотека 80-х гг. // Книга и чтение в зеркале социологии. М.: Книжная палата, 1990. С. 50–80.
- 18 Сухих И. Н. Книги XX века: русский канон. М.: Независимая газета, 2001. 352 с.
- 19 Сухих И. Н. Сказавшие «О!». Потомки читают Чехова // Нева. 2010. № 12. С. 147–177.

***

© 2022. Viktor S. Zaitsev
Moscow, Russia

**THE WORKS OF ANTON CHEKHOV
AND PREFERENCES OF MODERN READERS:
ON THE CULTURAL TRENDS OF DECANONIZATION**

Abstract: The works of Anton Chekhov have been established in the Russian cultural canon and perceived as its integral part. At the same time, if we look at the history of the beginning of Chekhov's texts in canonical corpus (starting with the October Revolution) we get a contradictory picture. In 1920–1930s writer's works, although marked by the presence of anti-Chekhov tendencies in literary criticism, were popular among mass readership. Surveys among library workers and soldiers of the Red Army attest to that fact. Since 1960, when anti-Chekhovism was over, we can see the opposite trend: a gradual decline of A. P. Chekhov's works popularity among readership. Chekhov's status of the classical writer remained unswerving until the 1990–2000s, however, the gap between “reverence” and “reading” was widened, resulting in periodical absence of his name in surveys on favorite and prominent Russian writers at the beginning of the 20th century. This referred to the street interviews among random respondents. That's why in January–April 2018 the author conducted a survey among the targeted audience — visitors of the A. P. Chekhov House-Museum in Moscow. Respondents were asked to name their favorite Chekhov works, quotes, and tell if they had Chekhov's

books in their home libraries. Moreover, the author asked respondents when they were rereading the texts of the writer. Results of the survey showed an uneven acquaintance with Chekhov's works with the prevalence of negative trends among museum's visitors: respondents read the writer's works irregularly even if they have Chekhov's books at home. They were not able to remember when and which texts of Chekhov they were rereading. All respondents had the greatest difficulties answering the question about favorite quotes of Chekhov's works. These facts combined with research from the early 2000s, sustain a conclusion about the nominal nature of presence of A. P. Chekhov in the list of "canonized" authors, and his actual "decanonization" that occurred at the turn of the 21st century.

Keywords: cultural canon, Anton Chekhov, sociology of literature, mass reading, decanonization.

Information about the author: Viktor S. Zaitsev — Researcher, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum, Trubnikovskiy per., 17/1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>

E-mail: vik.zaitsev2014@yandex.ru

Received: November 09, 2020

Approved after reviewing: February 17, 2021

Date of publication: June 28, 2022

For citation: Zaitsev V. S. The Works of Anton Chekhov and preferences of modern readers: on the issue of cultural trends of decolonization. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 64, pp. 186–198. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-186-198>

REFERENCES

- 1 Bykov D. L. 100 knig, kotorye dolzhen prochitat' kazhdyi [100 Books to be Read by Everyone]. *Sobesednik +*, 2013, no 1, p. 32. (In Russian)
- 2 Bykov D. L. *Vremia potriasenii. 1900–1950 gg.* [The Time of Shocks. 1900–1950]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 544 p. (In Russian)
- 3 Gitovich I. E. Biografiia Chekhova — vchera i zavtra [The Biography of Anton Chekhov — Yesterday and Tomorrow]. In: *Chekhoviana. Iz veka XX v XXI: Itogi i ozhidaniia* [[Chekhoviana. From 20 to 21 century: Results and expectations]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 92–116. (In Russian)
- 4 Gitovich I. E. Fakt i stil'. Sub"ektivnye zametki po povodu ob"ektivnoi problemy [Fact and Style. Subjective Notes on Objective Problem]. *Chekhovskii vestnik*, 2004, no 15, pp. 30–38. (In Russian)
- 5 Dubin B. V. *Klassika, posle i riadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, after and near: Sociological Essays on Literature and Culture]. Moscow, NLO Publ., 2010. 345 p. (In Russian)
- 6 Dubin B. V., Reitblat A. I. O strukture i dinamike sistemy literaturnykh orientatsii zhurnal'nykh retsenzentov (1820–1978 gg.) [On the Structure and Dynamics of the System of Literary Orientations of Reviewers of Magazines (1820–1978)]. In: *Kniga i chtenie v zerkale sotsiologii* [Book and Reading in the Mirror of Sociology]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1990, pp. 150–176. (In Russian)
- 7 Dubin B. V., Zorkaia N. A. Chtenie i obshchestvo v Rossii 2000-kh godov [Reading and Society in Russia of the 2000s]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2009, no 7, pp. 61–77. (In Russian)

- 8 Zorkaia N. A. Tendentsii v chtenii rossiian v 90-e gody: na materiale oprosov VTsIOM 1992–1997 gg. [Trends of Reading of Russian Readers of the 1990s: Based on Researches of Public Opinion of VCIOM 1992–1997]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, 1998, no 3, pp. 44–49. (In Russian)
- 9 Kol'tsov M. E. Chekhov bez grima [Chekhov without Makeup]. *Pravda*, 1928, no 163, p. 6. (In Russian)
- 10 Lunacharskii A. V. Chem mozhet byt' Chekhov dlia nas [What Chekhov can be for us]. *Pechat' I revoliutsiia*, 1924, no 4, pp. 19–34. (In Russian)
- 11 *Massovyi chitatel' i kniga* [Mass Reader and Book], ed. by N. A. Rybnikova. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Publ., 1925. 88 p. (In Russian)
- 12 Orlova V. S. Literaturnaia orientatsiia i chitatel'skoe vospriiatie [Literary Orientation and Reader Perception]. In: *Kniga i chtenie v zerkale sotsiologii* [Book and Reading in the Mirror of Sociology]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1990, pp. 80–105. (In Russian)
- 13 Polotskaia E. A. “Vishnevyy sad”. Zhizn' vo vremeni [“The Cherry Orchard”. Life in Time]. In: *Literaturnye proizvedeniia v dvizhenii epoch* [Literary Works in the Movement of Epochs]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 229–287. (In Russian)
- 14 Samokhina M. M. Kto i chto segodnia chitaet i zachem im eto nuzhno [Who Reads and what they Read Today and why they Need it]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no 51, pp. 327–340. (In Russian)
- 15 Samokhina M. M. Molodye chitateli v Internetе [Young Readers on the Internet]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, no 102, pp. 300–307. (In Russian)
- 16 Semanova M. L. *Chekhov i sovetskaia literature* [Chekhov and Soviet Literature]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 312 p. (In Russian)
- 17 Smorodinskaia M. D. Domashniaia biblioteka 80-kh gg. [Home Library of the 1980s]. In: *Kniga i chtenie v zerkale sotsiologii* [Book and Reading in the Mirror of Sociology]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1990, pp. 50–80. (In Russian)
- 18 Sukhikh I. N. *Knigi XX veka: russkii kanon* [Books of 20 century: Russian canon]. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 2001. 352 p. (In Russian)
- 19 Sukhikh I. N. Skazavshie “O!”. Potomki chitaiut Chekhova [Those who Said “Oh!”. Descendants read Chekhov]. *Neva*, 2010, no 12, pp. 147–177. (In Russian)